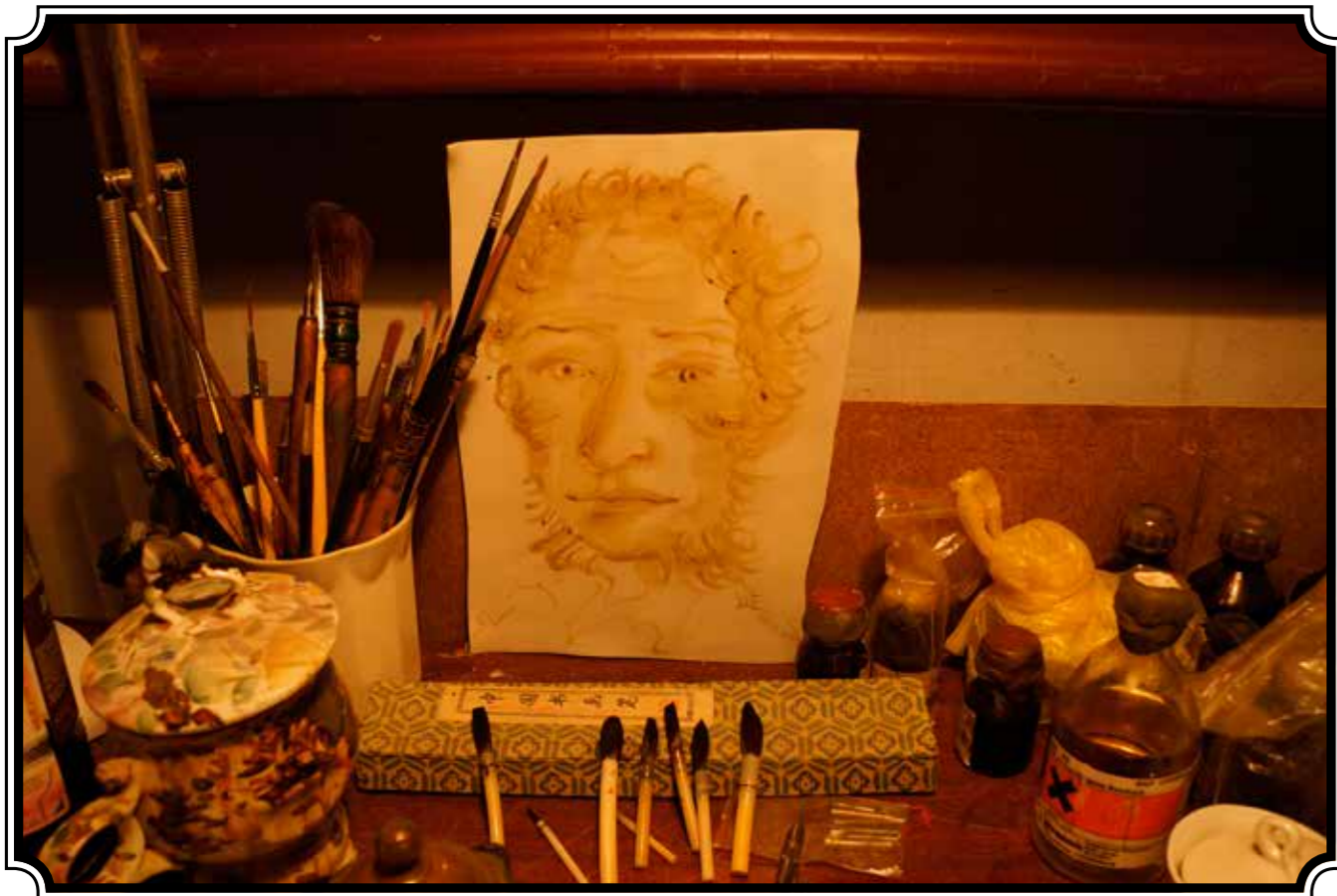

странички из дневника Елены Щетинкиной

Елена Щетинкина много лет неизлечимо больна Пушкиным, но это такая «болезнь», историю которой можно рассказать публично, в том числе и в журнале. Ну а поскольку Елена – художник, точнее – художник, то она сама и проиллюстрировала странички своих признаний в безмерной любви к Александру Сергеевичу.

Когда-то, даже еще до института, я ездила «по пушкинским местам» — Болдино, Пушкиногорье... Просто порой вдруг срывалась так с папочкой порисовать. В первый раз мне просто предложили туристическую поездку на электричке в Пушкиногорье — и я поехала. Там меня что-то цепануло, я ведь ничего не знала, но как мне все понравилось! При том что тогда я увлекалась другими поэтами, а не Пушкиным... ну, еще не доросла

до него. Все это очень глубоко залегло во мне, я даже не вспоминала о той поездке. Другие искания были, институт... Тогда я еще в Ленинграде крутилась, пыталась поступить в Мухинское училище, потом в Москву приехала, поступила в Строгановское. А с Мухой не получилось, туда больше блатных принимали, деток известных художников или еще кого-нибудь. Но я-то по-честному хотела. Пру и пру только за счет своих талантов.

«Мы не знаем, чего в тебе больше — графика, скульптора или еще кого...» Но зачем же разделять? Они во мне все вместе уживаются. Так я и жила, работала, училась. И вдруг в 1986 году я отчего-то вспомнила Пушкиногорье, Михайловское... Вот именно пейзаж — впечатление давнее. Я ж тогда в первый раз лишь наброски делала, ничего серьезного... Но мне тогда уже показалось, что в Пушкиногорье невозможно не писать стихи — настолько это поэтические места.

***

Когда я приехала на Урал — вдруг у меня что-то внутри «стукнуло», причем я пошла к Пушкину не через стихи, а через какую-то трансформацию души. Вот. Потом уже начала в него вчитываться. Я почему-то чувствовала, что я ощущаю это так, как он ощущал. Ничего не могла с собой поделаться. При том что не люблю, когда люди цепляются к гениям, великим людям — и на протяжении своей жизни делают из этого «кормушку», паразитируют на чужом имени. У одного нашего однокурсника отец-художник сел на такого «конька». Чтобы выезжать за границу, он рисовал заграничные места пребывания Ленина, кабинеты, в которых он сидел в Париже, в Женеве. Он писал такие якобы «ленинские места» — и прекрасно жил в советское время, когда все еще были невыезды. Такие вот прилипали меня очень раздражают и сейчас. Ну а чтобы понять, разобраться в себе, наносное это или внутреннее, я поехала в музей Пушкина в Москву. Уже после института, в 1986-87 годах. Посмотрела всю пушкиниану, кто ее рисовал...

***

К Пушкину я пришла не от стихов, а от пространства. Много лет оно таилось во мне, где-то в глубине. И вдруг всплывает: я это рисую — и чувствую, что как-то я Пушкина начала ощущать. Поначалу были такие смешные работы, но я вдруг поняла, что это очень дерзко. А из-за того, что не люблю, когда «цепляются» к гениям, я все внимательно посмотрела в Пушкинском музее и задала себе вопрос: «Смогу ли я как-то иначе представить Пушкина?» Ведь многие-многие художники обращались к его образу. И попросила себя ответить честно: «А могу ли я дерзнуть?» Нужно было очень честно ответить. Если я бы поняла, что не способна сказать ничего своего, то не стала бы свою пушкиниану продолжать. Здесь же меня никто ничем не обижал. Никаких заказов у меня не было на тему Пушкина, никогда в жизни с деньгами это не было связано. И вот, все просмотрев, я поняла, что чувствую его образ как-то иначе. Я смогу. Я себе очень

Да черта с два — меня тормозят и тормозят. Мало кто вообще сдавал на «пятерку» по рисунку, а я смогла. Но на «композиции» меня просто валили, чтобы своих проташить. Я не знала этой системы. Потом, когда поступила в Строгановку, приехала в Ленинград, а мне там говорят: «Ну чего ты там? Переводись к нам, в Муху!» — «Нет, вы меня не захотели, теперь я буду учиться в Москве...»

***

Мало я спала, конечно. Занималась порой бестолково. Никто меня не вел за ручку — никто, ничего и никак. Тяжело было и работать, и на курсах заниматься. Работала маляром, да и много было перипетий всяких. После трех провальных попыток в Муху я даже не могла выбрать, куда мне податься. Думала сначала на стекло, а потом склонилась больше к керамике. Здесь все-таки синтез скульптуры, объема, графики — я же окончила в училище живописное отделение, работала «на плоскости». Я и сейчас графику люблю и просто акварель. И не выставляю какие-то приоритеты. А уже позже, когда я стала работать, всякие знатоки, искусствоведы пытались меня структурировать, отделить одно от другого, типа котлеты отдельно, мухи отдельно... Все пытались во мне разобраться:

четко отметила: да, я это смогу. Это не просто случайность, не какое-то модное поветрие или приурочивание к юбилею. И стала потихонечку работать...

***

Что я делала? Соотношение между нами я внутренним ощущением измеряла. Хорошо, я художник, женщина. Он — мужчина. Я его через какие-то свои движения души воплощала. Не важно — кто ты там. Я через эту нить вошла, мне все было близко и понятно, его мироощущение такое. Я вполне могла понять, почему Пушкин любил, когда цыгане пели, и что он ощущал в тот момент... Я это точно знала. И вот так все тихонечко двигалось, поэтому я ничего не придумывала, не ставила никаких сверхзадач, но старалась как можно точнее... Вот брякнуло мне что-то сверху, привиделось: вот Он стоит передо мной — и все. И моей задачей было это уловить и постараться как можно точнее сделать.

***

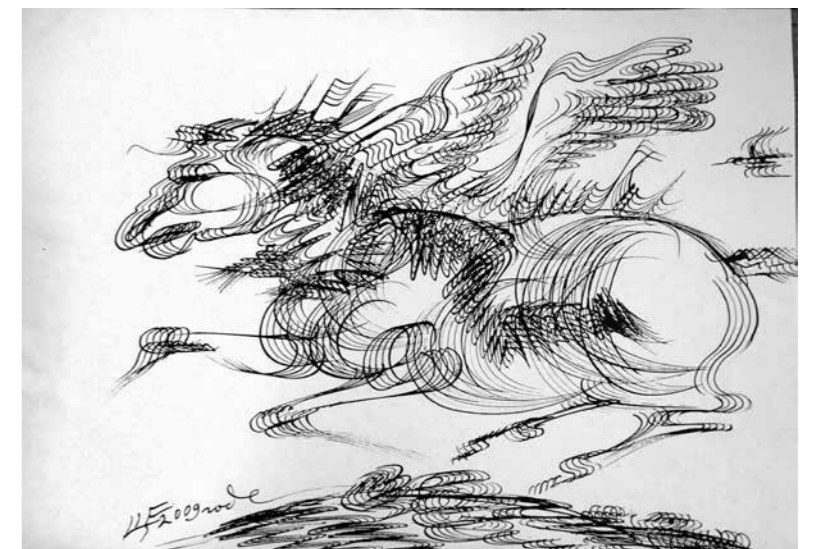
Квартира на Мойке, 12 ложится мне на сердце. Я ведь до Москвы, до института, крутилась в Ленинграде и очень много там бедствовала. Поэтому всякие переживания, какие-то глубокие личные ощущения легли в основу. В моем первом цикле в 1986 году в основном Пушкин в Петербурге прослеживался. Потом мне москвичи пеняли на выставке: «А чего это вы постоянно пушкинский Петербург рисуете? Почему его нет в Москве?» — «Ну, наверное, я его еще как-то внутри себя не перенесла в Москву...» Я как раз хотела опровергнуть отношение к Пушкину как к «солнцу русской поэзии». Его настолько подняли на монумент и причесали... А я его всегда ощущала как человека живого. Со всеми страстями, движениями его души, творческими порывами. Мне это хотелось сделать. И когда первые «музейщики» посмотрели мои работы, они сказали: «Ну, он у вас какой-то непричесанный, растрепанный...» Все потому, что они ощущали его на постаменте. Для них он был неприкасаемый гений, с бирочками... А я хотела не просто такую подачу развенчать, а показать его живым, как ощущала сама. Ну как человека изнутри его творческой кухни.

***

Очень много литературы о Пушкине я прочитала, всех исследователей узнала... Вся литература ко мне ползла — я сейчас, может, чего-то не вспомню, но очень много всего было о Пушкине в советское время. Тынянов,

Вересаев... Всех я читала. Ну, может, не всех — я же не писатель, необязательно все читать. А именно интуитивно наткнуться на то, что мне вдруг даст какой-то толчок. Меня почти не интриговала его личная жизнь, только движение творческой души. Что там, как там о нем писали, проклинали — да Бог с ними со всеми! Меня интересовали творческие порывы. Я этот накал чувствовала. Письма его читала, поначалу многое насматривала — и далеко не всегда была согласна с его отображениями другими художниками. Я никогда ни у кого не срисовывала. Я ощущала его другим. Мне все замечали, что мой Пушкин более такого негроидного типа. Но он же и сам

говорила: «Себя как в зеркале я вижу, но это зеркало мне льстит». Я его видела, может быть, внешне даже пострашнее. И раньше я это даже подчеркивала, наверное, так ощущала... Сейчас я его воспринимаю уже более европейским, с каким-то большим усложнением. Но ничего не отвергаю из прошлого, что было, то было — да, я его таким воспринимала раньше. Я же тоже меняюсь — прошло ведь столько лет... больше четверти столетия. Но я никогда не бралась ни за скульптуру, ни за графику ради «чего-то сделать». А только по внутренней необходимости — когда я просто не могла ничего другого делать. И потом меня уже совсем с Пушкиным увязали, а меня это очень бесило, потому что я и другие вещи какие-то создавала! Я в Магнитогорске участвовала в пушкиниане в 1999 году — и мне задала вопрос одна преподавательница: мол, вам не стыдно ТАК рисовать Пушкина? Я не злюсь, когда такие вопросы задают, зачем злиться — просто как-то в недоумении остаюсь после...

***

Для меня Пушкин — это многое... Я со временем в его поэзию начала проникать. Когда уже вошла в его образ. Но в тот момент, когда я его уже ощущала всей душой, мощь его поэзии была для меня еще прикрыта... Позже, позже пришло понимание. Может, даже сейчас я не все понимаю. Да и невозможно все понять. Одну сторону жизни Пушкина я еще не рисовала... Пушкин был игроком. Иначе он бы никогда не написал «Пиковую даму». Мне не свойственно это ощущение, но все же считаю себя человеком азартным. Это чувство моментального всплеска, касающегося «игры», — я ощущала... И отложила его в свою копилку. У меня был один момент: я хотела сделать скульптурную композицию на тему карточной игры — это очень, очень важный элемент пушкинской жизни — и все оставляла как бы «за пределами», не зная, как подступиться. Я в карты-то не играю, но предполагаю, что когда-то что-то подобное и сделаю...

***

При всем при этом — что я сделала свою пушкиниану — мне никогда не предлагали официального заказа на эту тему. И я благодарна судьбе. Могло случиться так, что официальный

заказ, который бы я исполнила, у меня бы просто не взяли. Я благодарна судьбе, потому что я свободна. Но и мистики навалом. Пушкин сам везде проникает — какой бы темой я ни занималась, даже специально его отодвинув, он все равно дышит рядом. Он никогда не был в Париже, но в мою «парижскую тему» он пролез. Когда я подбирала стихи, нашла его стихотворения о Париже, глубочайшие... Я была поражена! Или, например, я делала «китайскую тему», отставив Пушкина, естественно. Потому что уже что-то может произойти механическое — нельзя делать одно и то же долго-долго, нужно во времени как-то отойти от одной темы, может, чуть-чуть измениться самой. Например, я делала, делала цикл пастелей в 1986 году — и когда уже дошла до предела, поняла, что ничего больше сказать не могу: вроде бы у меня кончился запал. Я ведь работаю такими «наплывами». И все, тогда я отставила пастели, занималась чем-то другим. Самое страшное, когда возникает какой-то образ, но ты его не сделаешь по каким-то причинам, ну занята, еще чего-то... И образ может уйти. А это такое очень внутреннее, об этом никто может и не знать и никогда не узнает. Но это — твое, то, с чем ты остался. То, что ты прокараулил. Есть у меня на совести такие моменты, когда очень хотела, но не сделала. Хотя в целом много работала, было много находок. Ну а Пушкин все равно как-то сам заявляется, располагается во мне — и я уже не вольна. Здесь мистика какая-то. Я ду-

мала все — почему? Меня спрашивают: «Вот как ты думаешь, в тебя бы, как женщину, влюбился бы Пушкин?» — «Да никогда в жизни, совершенно не тот тип». Ведь я на него выходила совсем с другой стороны. И мой тип женщины — совершенно не пушкинский...

***

До Александра Сергеевича, будучи в Ленинграде, я очень увлекалась Александром Блоком, его поэзией. Я и сейчас его люблю. Но когда я столкнулась и погрузилась в поэзию Пушкина, Блока чуть-чуть отодвинула. Хотя и он был «моим», вспоминаю, как по заснеженному Ленинграду бродила... я его очень близко понимала и принимала. Но как-то так это ушло... И пришел Пушкин. И дальше — чем бы я ни увлекалась, кем бы — все равно Пушкин: вдруг как будто бы открывается дверь — и он снова выходит. Или он через какой-то предмет выходит. Вот так у меня произошло с «Гаврилядой». Как ни странно, это был почти «заказ». Где-то в 97-98-м мне был звонок: «Слушай, нужно что-то рождественское». А я задумалась, ведь специально по заказу такое не рисую, хотя и бывало — я екатеринбургскому издательству «Банк культурных сбережений» черно-белую графику делала за копейки. А тут звонит авторитетная особа — видать, никого больше не нашлось. И я согласилась — мне всегда нравилось поэзию иллюстрировать. И я рисовала, рисовала — ну так, не идет — и все. Повторяться не хочу, задом никогда ничего не высиживаю. И я на это дело плюнула, сижу, черкаю — и тут Александр Сергеевич будто бы встал у меня за спиной и сказал: «Ха, это ж «Гавриляда»!» И когда он это сказал (у меня в голове, конечно) — я все сразу поняла: что буду рисовать, как, каким будет особый язык моей «Гавриляды». Я все сразу расчухала, и это для меня было таким праздником, я так была довольна этой подсказкой и очень быстро нарисовала «Гавриляду». Но все равно это не стало заказом. Идея ведь уже была — Пушкин любил рисовать виньетки на своих рукописях — мордашки, профили... Кстати, очень точно рисовал портреты, очень похоже! Я это

сильно ценю. Виньетки рисовать было вообще популярным занятием в ту пору. И я подумала: так вот, я раскручиваю виньетку из таких вот сердечек — и я начала рисовать. И само собой получилось. Никто этого не делал. Позже я узнала, что мало кто из художников уделял внимание «Гавриляде»... кто-то в Париже, говорят.

***

Когда я делала в Москве пушкинскую выставку в 2004 году, там даже собрали консилиум. Думаю: «Да что же я такое сделала?» Короче говоря, сняли несколько моих картин с Пушкиным. Сказали: только без этого на лице, нельзя покушаться на святое. А то какая-то провинциальная бабенка приехала и собирается нашего гения похабить... Ну, я немножко попыхла и решила — да ну и черт с вами! Главное — я была довольна, что не сняли «Гавриляду». У меня она была на двух больших зеленых планшетах и на плиточках. Устроители чего-то боялись, а самого такого эротического, наглого, что было и в Пушкине, они не усмотрели. Я была счастлива, что эти два планшета не сняли. Публика все увидела, был и мой любимый педагог... Сколько бы работ ни было в пушкиниане, все равно акценту расставляешь. Идет пастельный цикл, задачу себе поставила: сделать все как можно чувственнее, живее. Потом возникли другие задачи — я делала все по-другому, просто чувствовала как-то иначе. Все меняется. Скульптура тоже возникает сама по себе. Вот скульптура Пушкина — в халате, но без порток. Он утром любил надеть на голое тело халат, лежать и писать стихи. Потом уже ехал в свет. Москва у меня в пушкиниане появилась позже, когда я с материалом ознакомилась, который мне московский музей надавал. Я его изучала, мне было очень важно, каким был Пушкин в Москве, появившийся сразу после лица, — весь такой молодой и знаменитый. То я костями ложилась, что Ленинград — это мой город, но сейчас мой город как художника — это Москва. Я там училась и что-то я там ощущаю, что может как-то помочь мне... Что-то в Москве есть такое, чего не могу объяснить. А Питер — я-то больше помню тот Ленинград — как город отступает. Будто ты с человеком не видишься десять лет — ты его не узнаешь просто. Он другой, да и ты изменился. Бывает, что как к старому знакомому возвращаешься. Здесь нужно какие-то внутри найти точки...

***

Пушкинская выставка в 2004-м была аж в трех залах. Мы столько работ привезли! Искусствовед Галина Семеновна со мной ездила... Правда, там еще и зал был не совсем подготовлен. Прямо на

Арбате, в Денежном... Все там забегали, когда оформляли мои работы, правда, очень многие и негативно относились. Публика московская писала отзывы, я удивилась, такие точные ощущения, реакции — я это дважды почувствовала в Москве. Все-таки есть еще интеллигентные люди, которые могут чувствовать очень хорошо. У нас их поменьше, такие тонкие замечания редко услышишь. И это мне очень помогает. Я забежала в музей — там, где Пушкин с Натальей совсем недолго прожили после свадьбы. И я услышала все, что там происходило. Поразительно! Это были настолько потрясающие ощущения, что я до сих пор не смогла это воплотить. Я там все ощутила: шорохи какие-то, складки... Было почти пусто... Меня же еще эти пушкинисты протащили по музею на Волхонке, все подробненько рассказали, кучу материалов надавали. Это мне хорошо помогло, но все равно я это видела и чувствовала иначе... Мне не нужны были документальные материалы, хотя я все изображения Пушкина видела, какие только были созданы. Но никогда от них не отталкивалась. В музее на Волхонке эти пушкинисты с трепетом в конечностях вытащили и показали мне посмертную маску Пушкина. Я поняла, что никогда в жизни, как многие скульпторы, к примеру, поступали с Петром, — никогда не буду так работать. Я посмотрела как на «факт», — и все, маска больше меня

не интересовала. Я его вижу живым. Мне не нужно рисовать посмертную маску для того, чтобы представить его живым. Из этой маски ушло самое главное — дух. Духа-то нет! А самое главное — это дух! Как бы я неточно его ни рисовала бы — длинный нос, еще какие-то особенности, можно неточно рисовать черты лица, но главное — это точно передать состояние духа. Особенно в Пушкине. К тому же современники свидетельствовали, что у него очень подвижное лицо было. А все наши академики и прочие использовали в скульптуре посмертную маску. Ну, извините, в посмертной маске даже меняется рельеф! Что-то вообще проваливается, что-то еще выпирает... А для меня он живой, как будто бы он вошел ко мне в мастерскую, встал у мольберта и улыбается — есть такое выражение: «скалит зубы». Ну на какой маске это увидишь? Да ни на какой. Это только внутреннее зрение. Причем его специально не вызовешь, оно приходит само. Его искусственно не вызовешь даже чтением поэзии. Можно знать наизусть всю поэзию Пушкина — но ничего не придет. Кое-что я знаю, конечно, но считаю себя не таким уж специалистом, как профессиональные пушкинисты. Прочитав множество литературы, я поняла, что что-то свое может дать только какой-то толчок. Порой мне толчком служит слово. Все-таки «в начале было Слово». **ОФ**

